



26 сентября 2019 года. Не стало Майи Шварцман. Последние стихи Майя отсылала своим, наверное, самым близким друзьям и единомышленникам - Валентину Емелину и Михаэлю Шербу. Ей было очень важно мнение этих людей... Валентин и Михаэль помогли ей составить недавно [вышедшую книгу](#) - кому, как не им, могла она доверить право на первые критические отклики в адрес только что завершенных, еще не до конца отредактированных стихотворений... К публикации новых стихов в интернете Майя всегда относилась очень ответственно - писать "в стол" было для нее делом самым обыкновенным: писать, редактировать, накапливать, возвращаться, перечитывать с высоты прожитого и пережитого, опять редактировать... Это очень необычно для нашего времени - работать над каждым стихотворением по месяцу, по два, по три... У стихов Майи Шварцман, размещенных на этой странице - иная судьба. Они никогда не состарятся вместе со своим автором. Они останутся именно такими, какими и родились в этот тяжелый, нерадостный, завершившийся сентябрем год... 26 сентября. Время остановилось.

МАЙЯ ШВАРЦМАН

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

В тупике

Кажется – кончено, отжито, выжжено.
Руку протянешь – плоть тупика,
мрак его душный, ночные бока.
Вдруг под ладонью податливо – щель,
словно открылась тайная хижина.
Только понять бы: или – «досель
духу дозволено», или же, вижу я
(хочется видеть), – «пробуй отсель»?

Серым комочком тише неясности
втиснуться боком, скрыться в углу,
к сору поближе, скребку, помелу,
в морок невидимых мягких ковров.
Воздух как воск на заброшенной пасеке.
Хочется жара поленьев и мхов, –
только огню и под силу украсить их,
жадно спалив биографию дров.

Так, разомлев и покрывшись испариной,
шаришь в потёмках в поисках книг
(с гордостью: вот ведь, уже пообвык).

Сколько закладок в той, что пухлей!
Но заползает за ворот просаленный
ужаса бархатный муравей:
видишь – она оказалась поваренной.
Имя твоё подчёркнуто в ней.

Вот отчего этот масляный лакомый
воздух, с прищуром в узких очах,
и в тупике стерегущий очаг...
Вылети, сбрось тупика колдовство,
жгущее травами, дикими злаками
силы найди на последний рывок,
вырвись оттуда – разбитый, заплаканный,
снова покинув себя самого.

* * *

Спущено за бесценок.
Что только не прочтёшь
про пятьдесят оттенков,
а оказалось –ложь.
Столько ещё занятий,
знай только первым бей.
Как бы – ещё занятней,
как бы – ещё острее!

Как бы и жизнь по схеме
праздничной возвести!
Лавры – и ногу в стремя,
прочее не в чести.
Всех и забот на свете –
острых желаний нож.
Был бы попутный ветер,
всем кутежам кутёж.

Что до иных материй,
званий да лент вельмож –
лишь бы *открытью двери*□
был по зубам платёж –
то, что и днесь, и присно
китчем не назовёшь:
овеществленье мыслей –
шопинг! Азарт, галдёж!

Что там ещё, богема,

слёзы, эмоций дрожь?
К нимбу найдется темя
к ужасу всех святош.
Дольше б в победном шлеме
хлеще бы к сердцу дождь –
как провести бы время?

Время не проведёшь.

* * *

Дыры нот в беззубой гамме,
клочья старых книг.
мёртвых пчёл сухие крылья,
липовая падь.
Хруст скорлупок под ногами,
беличий тайник.
Что зарыли – позабыли,
завалились спать.

Ты-то думал, это только
первая строфа.
А слова уже опали,
выцвели лучи.
Заплати всего три сольдо
там, где просят два,
откупись от злой опалы,
приговор смягчи;

Жизнь привстанет без сознанья,
покачнётся вбок.
Молча яростно цепляйся
за земную твердь:
каждый лишь собою занят
на ходулях строк.
Трясогузка прячет яйца
и танцует тверк.

Символ счастья тёмной жницей
ищет в борозде

то ли крова, то ли пищи
для голодных ртов.
Птица синяя гнездится
в синей бороде.
Там её никто не ищет –
не найдёт никто.

Наводнение

Замрёшь в наклон над лесным ручьём
и видишь вдруг, что он обручён
колечком арочного моста,
явно великоватым.
А после свадьбы «не тот? не та?»
не спросишь уже, кто и кем просватан –
неважно, если уж обречён
и слёзы текут ручьём.

С водой обручаться – была же блажь!
И Поликратос, вошедший в раж,
в пучину перстень бросал, смеясь,
И золотые дожи
в супруги море брали, чтоб «Князь,
правь нами!» слышать, а вот построже
спросить, а так ли уж баш на баш?
Жена промолчит, шабаш.

Да только стихия стихии рознь.
Нахлынут слёзы грознее гроз,
и паводок бурный, ревя и мстя –
не буря ли брачной ночи?..
И впору станет кольцо моста,
и берега растерзает в клочья;
разверзнет устье, затопит мост,
и, всё ломая, пойдёт вразнос
былого ручья колосс.

Перестановка слагаемых

А я говорю, урок не закончен, сядьте,
спрячьте айфоны, господа, как же мне
осточертело...

так вот, говорю, для дядьки
Савельича конформизм допустим вполне:
плюнь, говорит, да поцелуй у злодея ручку, –
при этом позиция автора...

Кузнецов,
что я сейчас сказала? Что вы там в кучку
сбились на задней парте? В конце концов,
вам же сдавать, не мне.

Противостоянье
народа и самодержавья дано в шестой
главе, запишите тезисы... Ваше ржанье
мне надоело! Что вы за люди, какой
от вас прок, вам только бы в кнопки тыкать,
я не могу, меня уже просто трясёт,
вас обучать чему-то – ни смысла, ни выгод,
боже мой, Пушкин, ведь это же наше всё!

Вот приходит домой, сумку пинает в угол
Сидоров, или кто там был, Кузнецов,
не чая скорее слиться с «Ok Google»,
но попадает сразу в конфликт отцов
и детей. Но, впрочем, отцов – условно,
сроду его не видал, а бабка и мать –
как тут сказать, чтоб вышло одним словом,
вроде и жалко их, но ведь не рассказать,
как допекли.

Он к столу выходит угрюмо,
телевизор гудит, и бабка ему под стать,
всё одно и то же, как истерзали думы,
до полочки дожить бы, где инсулин достать,
только он теперь называется ринсулин,
говорят, подделка, вот ведь и в твороге
обнаружен пластик...

И мать подбавляет: сын,
ты хоть учись, ведь на носу ЕГЭ,
классная жалуется, всё тебе трын-трава...
И телевизор всё ту же мешает кашу,
словно в школе, буквально те же слова:
наше всё, всё наше, бубнит, всё наше.

«Теперь сюда, в сельцо кривое Сказка,
Там раньше при свороте с большака
торчал призыв какой-то из металла,
уж и не знаю, в чём там суть была,
за давностью припомнить не могу я,
а как кончался, помню до сих пор:
мол, каждая чего-то есть поэма.
Вот первым он тогда и подвернулся,
за ночь одну скрутили в девяностых,
и загремел как есть в металлолом».
Князьков берёт левее – там когда-то
близ водоёма мельница была,
давно сгорела, не сыскать и жёрнов,
то ль в армию кого-то провожали,
то ль что ещё – теперь и не узнать.
И что за гвалт – а ну-ка разберёмся.
Навстречу воронку несутся бабы,
и все кричат наперебой и тащут
Князькова за собой, ну что за горе.
Стоит старик, от перхоти седой,
«Ты кто?» – к Князькову весь так и подался, –
ну точно сумасшедший, не в себе.
«Михалыч, – голоса вокруг бабёнки, –
вели ему, чтоб доски он вернул».
Старик плечами гневно передёрнул.
«Какой я Мюллер, говорят тебе,
я...» – «Вор он, вор он! – выскочила тётка, –
ты же видишь, сколько дури в голове,
знай попрекает всех – недоглядели,
да обставляет пруд, заросший ряской,
табличками «русалку не кормить!»
Раз наезжали немцы-журналисты,
уж как мы с ним тогда, проклятым, бились,
чтоб всё убрал, чтоб не ударить в грязь,
так пуще зверя взялся, старый чёрт!»
Князьков мрачнеет, мало ли что было,
да поросло быльём. (А дед-то сдал
с тех давних пор, что мы с его Наташкой...)
«Михалыч, глянь, ведь он мою фанеру
упёр, чтоб подновить свои таблички
***цкие, уж лучше б пропил, сволочь,
так нет, гляди-ка, морду вбок воротит,
как будто он и вовсе ни при чём!» –
«Ну вот, Сергей, гляди, тебе на месте
как под заказ практический урок:
по совести суди их и расследуй.

А вы, молодки, живо примечайте,
я, вишь, на повышение пошёл,
а этот молодец не просто так вам,
а мне взамен ваш новый участковый.
Поехали, Серёга, дел по горло,
невпроворот». Под визг и гам бабёнок
Князьков буксует, воронок и вправду
хрипит и каркает. «До большака
дерьмо, а дальше ничего дорога».
(уж как кому... Наташке вот не вышла...)
Они едва всползают у развилки
на гравий, и газуя, уезжают.
Примета въезда там давно лежит:
в траве пожухлой медно зеленеет
помятая ободранная О,
как будто бы из сказки позабытой
воспоминанье о любви великой,
большое обручальное кольцо.

Бузина

Бузиной-то весь огород зарос,
хоть заводи свою пивоваренку,
да не под силу: гастрит, артроз.
Где моя Лотта, цветочек аленький?
Обняла сейчас бы меня, как встарь,
когда целым садом травинка считалась нам,
а и весь-то мир был – лагпункт в гектар,
земляные норы в степи безжалостной.

В Джекказгане, как отмотали срок,
так остались с отцом её, моим корешем.
Вместо солнца была она, мой цветок,
косоглазый зайчонок, смешно тараторящий.
Корефан мой десятку как оттоптал,
подженился втихую, как ненароком,
за невестой взявши не капитал,
а растущее пузо – тоже со сроком.

И не дочь, не племяшка, но нет родней,
а своих не завёл, ну да что теперь уже.
Прикипел, что варом припёкся к ней,
клином свет сошёлся в смешном недомерыше.
От отца взяла остзейскую кровь,
из казахского жуза была по матери,

полахала жарче степных костров,
а косицы росли – ячменя косматее.

Любовался всем: смуглотою щёк,
быстротою ног, голоском камышевки,
называл её Schatzi – кому ещё
мог язык с любовью такое вышептать.
Сколько лет тому, разметало в пыль,
скольким время наше стало могилою.
Схоронила родителей в той степи,
а меня не забыла, писала, милая,

наезжала, чинила моё бельё,
баловала меня; разбранив за ветхие
сапоги, привозила взамен новьё,
а потом, как позволилось, – вмиг уехала.
И на что мне домик с окном на Днепр,
огород, потонувший в бузинном веере,
золотой её запах до самых недр... –
В Киеве дядька, а Лотта в Веймаре.

Арахна

Высохшими руками глядя вздутый живот,
всё шелестела, раскачиваясь на нарах,
каждую ночь об одном и том же: вот
почему не оставили планов старых,
где же мне было угнаться, станок станком –
так не с него же спрос, а уж я пласталась!
Некуда было деться, раз сам нарком
нормы повысил. Технолог сказал: усталость
металла, и замели его в сей же час,
контрик, вредитель, мол, да ещё из бывших,
из-за таких буржуев рабочий класс
и обделен текстилем; а то, что в днище
каждой станины трещины поползли –
это им безразлично, и что в подхвате
нет натяженья нити, и что узлы
в рамах все скособочило – наплевать им.
Вынь да положи стахановский норматив.
Я уж и в общежитьи не ночевала,
в цехе жила, и любой заедавший шкив
правила чуть ли не на ходу, бывало.
Только однажды нагрязнула к нам с верхов
главная комиссарша: лицо как камень,

в коже и в шлеме, стерва, и в каждый вдох
так и впивалась, устроила мне экзамен:
да почему так слабо знаю истмат,
да отчего профпланы не в лучшем виде,
я и скажи: попробуй-ка ты сама,
выгони мне хоть метр – али краше выйдет?
Тут она мне как смажет!.. от челнока,
что ей попался под руку, – видишь, метка,
а уж потом как мучили! И Колчака
мне приписали, и вражескую разведку,
и саботаж, и сорок процентов брака... –
так и шептала, руками суча, пока
не замерла однажды в углу барака
чёрным комком, похожим на паука.

* * *

Левой, правой, где тропа?
Горечавка да пырей.
Спотыкается стопа,
наступивши на хорей.

«Не гони», – сипит в груди.
За вершком ещё вершок.
О(т)говорок – пруд пруди.
Левой, правой, – хорошо.
Хорошистов полный хор,
им везде у нас почёт,
каждый помнит приговор
«тише едешь – » и молчок.

Не в обычае улит
подгонять свою судьбу.
И улитка не хулит
жизни в собственном гробу.

Обречённо бьётся речь
рыбкой пойманной в груди.
Ритма хрипом не увечь.
Ноги спешкой не труди.

Долго ль раненой пятой
бойко топать, на плечах
до последней запятой
муку первенства влача?

Запутавши, оплошав,
меж колючих общих фраз
не ускорить вялый шаг,
не шагнуть двумя зараз.

По просторам, площадям
отгулялось на веку.
Может, дышалку щадя,
покороче взять строку?

Продираясь через лес,
сквозь капканы цепких трав,
так шагает Ахиллес,
черепахи не догнав.

* * *

Выиграть не под силу. Вон уйти – нипочём.
Музыка пробасила, ты уже обречён.
День чужого рожденья, море волнуется – раз!
Сердце полно волненья. Музыка оборвалась.
Ну же, рванись и падай. Сесть и окостенеть.
Кто не успел, тот падаль. Занято, места нет.
Каждый сидит на стуле, крепко вцепившись в жизнь.
Случай тебя обжулил – дальше давай кружись.
Не обижайся, рёва, выиграл, кто востёр.
Музыку дайте снова, кто там у нас тапёр...

* * *

Заката зоркая глазунья
за горизонт почти сползла.
Невмоготу лицом к безумью
стоять, укройте зеркала.
Какой-то шорох, то ли медных
пестов, то ль звёздного пшена.
Назад оглянись, помедлив:
ты здесь? – но только тишина;

вон там? – где бисерный валежник
уводит дальше от лыжни –

так донор времени, надежда,
по капле выпивает жизнь.
И тихий хруст, как будто пальцы
ломаются!.. взгляни, у них
петляющее слово *сжался*
в узорах прячется слепых.

И не того боится жалость
мыча срастающимся ртом,
что так немного здесь осталось,
но сокрушается о том,
что на грядках небесной пашни
твоё зерно не прорастёт.
Что всё сошлось, светло и страшно,
и не ошибся звездочёт.

Сергей СЛЕПУХИН о Майе ШВАРЦМАН в Сетевой Словесности - [ЧИТАТЬ](#)

 <p>ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ Рубрику ведет Сергей Слепухин</p>	<p>Несколько лет назад я был членом жюри конкурса, организованного Женей Орловым. Он и познакомил меня с поэтом, "первой скрипкой" Фламандского камерного оркестра в Генте. Майя оказалась моей землячкой и стала близкой подругой. Осенью 2019 года она умерла. Смерть сына ускорила ее уход.</p>
<p>сетевая СЛОВЕСНОСТЬ</p>	<p>"ТВОЙ ТИХИЙ СОН ПОЦЕЛОВАВ..." (тема материнства в лирике Майи Шварцман)</p>
<p><i>Последняя статья</i> О рубрике Все статьи</p>	<p>Пафос материнства пронизывает не только стихи Майи Шварцман, но и жизнь. Она чувствовала себя матерью существ: сына, дочери, детской игрушки, Онегина и Моцарта, смычка и скрипки. Издревле мать была святости, вечности и тепла, обладательницей жертвенной любви, чистоты, нежности, кротости, нравственности.</p>
<p>Новое: 29.01.21 Сергей Слепухин: "Твой тихий сон поцеловав..." Майя Шварцман</p>	<p>Когда-то, больше ста лет назад, Вадим Шершеневич назвал "первой поэтессой-матерью" Елену Гуро. Фундаментальным умиротворением сына, которого называла Вильгельм Нотенберг. Гуро помещала его портреты в своих книгах, по юноши верили даже близкие знакомые. Озабоченная душа поэта искала крова и рада была приютить иллюзорного, среди чужих и посторонних.</p> <p>Многие слагательницы русских стихов отдали страшную дань теме трагического женского предназначения: любовь и материнство, безумие, нищета, смерть мужа и детей. Среди этих имен - Марина Цветаева, Анна Ахматова, Мария Швапская, придумавшая потрясающее определение этим стихам - "женская Голгофа".</p> <p>Итак, о стихах Шварцман.</p>

Майя ШВАРЦМАН в Сетевой Словесности - [ЧИТАТЬ](#)



МАЙЯ ШВАРЦМАН

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Литературный журнал " [Тропы](#) ".

Август, 2019 год.

Интервью с Майей Шварцман

Виктория Жерикова, учащаяся Музыкального училища имени Гнесиных



В.Ж.: Музыкант и поэт в одном лице. Как внутри Вас сошлись и уживаются два вида искусства? Кто лидер, а кто аутсайдер? Или это парадрузей, которые помогают друг другу и если один отстаёт, то другой протягивает руку?



М.Ш.: Как музыкант и поэт сошлись внутри меня, того мне знать не дано, это что-то на молекулярном уровне, хотя нельзя назвать эту комбинацию исключительной. Спасибо папе и маме, наверное, ибо рецепт- их. Сошлись так же, как и у многих, наверное, с той небольшой разницей, что на стыке XX и XXI вв. заработать на жизнь как музыканту ещё возможно, а рассчитывать, что тебя прокормят стихи – невообразимо наивно.

Ипостаси мои не ссорятся, поэтому им и мириться незачем. И стихами, и музыкой я начала заниматься одновременно, в пять лет, и примерно лет через 15 только пришла убеждённость, что и там, и там я дома, занимаюсь своим делом и не желаю ничего иного. Кроме того, я не отношусь так серьёзно к себе самой, чтобы приводить скромные слова музыкант и поэт в царство Заглавных Букв, чем часто грешат авторы. Я не считаю себя поэтом, т.е. существом с полужакрытыми глазами, не видимыми чёрствому миру крыльями за спиной и с пропиской на Парнасе. Я пишу стихи, потому что мне это нравится, нравится до чертиков, потому что вся жизнь – непрерывный подстроичник, потому что процесс писания стихов упонителен. Так же и с музыкой – я не могу без неё жить, это определённно – вид зависимости.



В.Ж.: Прочитав подборку Ваших стихотворений «Вместо слов», почему-то подумалось, а не музыка ли вместо них?



М.Ш.: Если у вас как у читателя, возник такой вопрос, то и ответ на него принадлежит вам, вы вправе чувствовать то, что чувствуете. Что касается меня, то нет и ещё раз нет. Я не любитель смешивать жанры - на том уровне, о котором мы сейчас говорим. Стихотворение – самостоятельный вид искусства, рожденный и выпестованный в том числе и акустически, и фонетически, и не нуждается в дополнительных подпорках. Иными словами, не всё, что написано в рифму, надо петь. Для меня это закон природы. Вы же не скажете, что любое любимое вами полотно, картину, скульптуру, нужно ещё обогащать дополнительными услугами – дорисовыванием и пр. Если говорить о бардах, авторской песне – это тоже автономный жанр, но жанр опять же не мой, и я не хочу, чтобы меня туда тащили против моего желания. Элементарность и повторяемость трех-четырех гитарных аккордов превращает бардовскую песню (для меня) во что-то нескончаемо монотонное, слишком бедное музыкально, чтобы я хоть как-то могла этим заинтересоваться или захотеть этому принадлежать.

Не знаю, будет ли уместным ещё одно моё соображение по поводу взаимоподменяемости музыки и слов. Я часто встречаю отклики на стихи в таком виде: «ах, какое вкусное стихотворение» или «после стиха остаётся прекрасное послевкусие», – тут я превращаюсь в дикого кота. По-моему, оценивать стихи так прямолинейно-гастрономически - не просто дурной тон, но и показатель того, как примитивно относится к нему читатель. Скажете ли вы на выставке «какая вкусная картина»? Не скажете? А чем провинились стихи, попав в яму пищевых комплиментов?



В.Ж.: Часто ли у Вас возникает потребность обращаться в своих стихотворениях к родным и близким? Это некая дань, ритуал самооценки, дефицит общения?



М.Ш.: Как же любовь к близким может стать ритуалом, да ещё и самооценки? Что это за любовь с побочным эффектом? Что бы я ни писала, стихотворения мои относятся к моим близким уже потому, что именно ими, моими драгоценными родителями, была создана я, пишущая. Что бы я ни писала, это всегда будет соотноситься с тем, что я – потомок конкретного прошлого, это всегда будет и оглядка на тех, кто может услышать это первыми - муж и дочь, например. Будь моя воля, я бы их бесконечно воспевала, так я имн дорожу, и, к тому же, мне очень близок жанр оды (восхититься и – вознести, воспеть), но, сообразуясь с правилами хорошего тона и здравым смыслом, понимаю: кто это будет читать?

Я слишком принадлежу им вся, чтобы разбивать свою любовь на мелкие секции: это скажу стихами, а это выражу иначе.



В.Ж.: Какой композитор Вам ближе всего по душе? Пробовали ли Вы положить свои стихи на его музыку?



М.Ш.: Да у меня сразу рот полон десятком имён, и уже стучатся следующие десятки. На это совершенно невозможно ответить, избрав одного. Категорически невозможно. Так же, как и попытку положить свои вирши на его произведение, самостоятельное само по себе. Я уже ответила на это выше, надо ли вообще класть всё, что произносится, на музыку. Вы скажете: а как же опера? Опера – грандиозный целостный опус, сотворение нового мира, партитура сплетения разнообразных голосов, разных инструментов – вокальных и оркестровых, это соцветие звуков и их сопряженности друг с другом, это партитура переходящего равенства и первенства голоса, если можно так сказать. Точно как и камерное пение, жанр, почти вытесненный ныне со сцены, отдельный вид искусства, удивительное содружество инструмента и голоса – инструмента, как творения цивилизации, и природного дара человеческой гортани. Это неразделимо, нерасслоимо, и я не посягну ни на чью мелодию, чтобы «обогатить» её своими стихами.



В.Ж.: В Вашем стихотворении мне попался на глаза образ «Сумерки. Лес. Олень»? Правильно ли я понимаю, что это не только рисунок на гобелене, это мир, который есть в реалиях каждого Вашего дня? Что это за мир, который прячется за сказочным образом? Олень, разделанный на порции под праздник?



М.Ш.: Это действительно то, с чем я живу ежедневно и еженощно, так было не всегда - но стало моей сущностью после катастрофы, после невозможной потери в моей жизни.



В.Ж.: Что подвигло Вас написать стихотворение «Красное море»? Почему именно красный цвет стал в этом стихотворении «творящим всё» и дворцы Иудей, и на блюде голову Иоанна Крестителя?



М.Ш.: Сначала появился сам образ, потому что наш мир – одна огромная метафора, это похоже на то-то, а вон то можно сравнить вот с этим, и эти резонирующие сущности звучат и толпятся вокруг меня, только успевай подхватывать. «Красное море» – тот случай, когда строф в стихе уже нет, всё сказано, но не хватает гвоздика, чтобы повесить получившееся творение для обозрения. Тогда очень помогает название, берущее на себя большую ответственность и кратко суммирующее суть стиха.

Началось всё с того, что осьминог с шевелящимися щупальцами действительно похож на отрубленную голову с прядями бороды и волос, а игра красок подводного мира действительно столь присуща Красному морю (я 10 лет когда-то прожила в Израиле и бывала несколько раз на Красном море), что стихотворение писало само себя, можно сказать. Где же, как не в Иудее произошло усекновение главы после танца нимфетки? Всё сходится, и сходится даже слишком просто и очевидно. Для меня это стихотворение – просто сфокусированный взгляд, не более. Никакого двойного дна в нем нет, как и в Красном море. В отличие от стихотворения «Текла река», о котором ниже.



В.Ж.: Я знаю, что авторы не любят объяснять строчки своих стихотворений, но всё-таки, как это «Угадывать, читая по губам / и выдохам, пусть с горем пополам, / но понимать, подхватывать с затакта»? Можете ли Вы другими, прозаическими выражениями, раскрыть это чувство, порыв?



М.Ш.: Здесь ответ будет очень простым и кратким – способность к сопереживанию. Для кого-то это порыв, для кого-то чувство, для меня - соль существования: эмпатия.



В.Ж.: Река зеленая от ила по сути – зеленая тоска, всегда ли она Божественного промысла дремота, которая в окончании обязательно явит Чудо, наподобие выплывшего из тростников в корзине ребенка?



М.Ш.: Это одно из стихотворений, по поводу которого мне приходится давать бесконечные объяснения. (Так же было на моей памяти ещё со стихом Last Post о газовой атаке под Ипром в Первую мировую войну, когда я в числе прочих упреков получила и такой: чувствуется, что автор сам не пережил этого. Упрек справедливый, ибо я не Мафусаил).

«Текла река» – для меня совершенно не сюжетный стих, не пересказ и не раскраска библейского сюжета, чем постоянно кололи меня читатели. И уж никак не воплощение зелёной тоски, с таким-то пульсом, как в этом стиха – помилуйте. У меня была идея воплотить музыкальный темп Largo, вот нашел такой стих, даже форму сонатного аллегро хотела стихами написать, и я всё думала - возможно или нет передать темп стихотворением? И я всё примеряла ритм, нерв, длину строки, паузы, широту дыхания: в этом стихотворении вообще могли быть другие слова, мне важно было написать поступь, воплощение музыкального темпа, и это была попытка! И я считаю, что она мне удалась.

Берясь за выполнение этой задачи, воссоздание темпа, я еще не знала, воплотить Largo через – не удивляйтесь – коров или через медленно текущую воду, и выбрала воду,

Вообще множество животных очень естественно подходят к какому-то музам. темпу. Вот коровы – это Largo, посмотрите, как завораживающе медленно движение их шеи, когда они поворачивают голову, шея плывет с плечами.

Корова вообще одно из моих любимых животных, символ мира просто, куда там голубю с его глазами динозавра, такое кроткое, одухотворенное, лиричное животное.

Само стихотворение в заданном темпе, со всем присущим данной музыкальной форме развитием, просто подтверждает, что нет ничего незыблемого, каким крепким и монументальным оно ни казалось бы. Да, рушатся империи и исчезают царства – только из-за того, что державинская река - течение времени - приносит крошечную частицу иного.



В.З.: Реквием Форе иногда называют «колыбелью смерти», потому что в нем нет ужаса перед ней, если это так, то почему тогда кричит форель? Или это крик маленького ребенка из-за невыносимой любви отца?



М.Ш.: Любои ребёнок подвержен смерти именно из-за невыносимой любви отца, ведь, создавая с любовью новую жизнь, родители создают и её неминуемую смерть. Форель кричит, как кричал бы каждый пред ужасом смерти, только её не слышат, как часто не слышат и умирающего человека. Но жить и умереть в своей стихии или, будучи пойманным и обречённым, доживать в аквариуме супермаркета - разные смерти, знаете ли. Жизнь нашей планеты и течение времени устроены так, что возврата нет, Орфею некуда обернуться, и всё в этой системе смертно, в том числе и планета, и время. (Читатели упорно сворачивали в комментариях этого стиха в сторону- ну не ешь мясо и рыбу, и все дела. Боюсь, что тут даже планетарное вегетарианство не подмогой, ибо - не о том.)

Убийство, назови его хоть ритуальным обрядом, хоть идейно оправданным деянием (кто не с нами, тот...) или чем попроще (кушать хочется), всегда остаётся тем, что оно есть: убийством, когда живое и трепещущее становится мёртвым навсегда. Умиряющая легализация смертей, как и декорирующая их трансляция музыки в залах супермаркетов (кстати, по идее композитора Э. Сати) - невыносимы. Примерно на такую же тему написаны у меня стихи «Суть петуха в картине Сутнина» и «Выучили: ars longa et vita brevis», но наиболее ясно мне удалось выразить свою боль в стихотворении о форели.



- Заглавная страница
- Рубрикация
- Указатель А—Я
- Избранные статьи
- Случайная статья
- Текущие события
- Участие
- Сообщить об ошибке
- Сообщество
- Форум
- Свежие правки
- Новые страницы
- Справка
- Пожертвовать
- Инструменты
- Ссылки сюда
- Связанные правки
- Служебные страницы
- Постоянная ссылка
- Сведения о странице
- Цитировать страницу
- Печать/экспорт
- Создать книгу
- Скачать как PDF
- Версия для печати
- Языки
- [Добавить ссылки](#)

Вы не предоставили систему Обсуждения В

Статья [Обсуждение](#)

[Читая](#) [Править](#) [Править код](#) [История](#) [Искать](#)

Шварцман, Майя Моисеевна

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

В Википедии есть статьи о других людях с фамилией Шварцман.

Майя Моисе́евна Шва́рцман (8 августа 1962, Свердловск — 26 сентября 2019, Гент) — русский поэт, писатель, переводчик, эссеист, литературный и музыкальный критик^[1], профессиональный музыкант-исполнитель (скрипка).

Содержание [скрыть]

- 1 Семья, школьные и студенческие годы в СССР
- 2 Эмиграция
- 3 Литературная деятельность
- 4 Критическая деятельность
- 5 Источники и публикации
- 6 Примечания

Семья, школьные и студенческие годы в СССР [править | править код]

Родилась в Свердловске (ныне Екатеринбург) в семье инженера Моисей Иосифовича Шварцмана и экономиста Надежды Михайловны Кадер^[2]. Училась в Свердловской средней специальной музыкальной школе-десятилетке для одарённых детей по классу скрипки. После окончания школы в 1981 году играла в оркестре Свердловской детской филармонии и поступила в Уральскую государственную консерваторию, которую окончила в 1986 году. Работала как скрипачка в оперной студии консерватории (1982–1990) и в Свердловском театре оперы и балета (1984–1990).

Эмиграция [править | править код]

В 1990 году переехала в Израиль. Работала в оркестре WIZO, симфоническом оркестре Бат-Яма, оркестре «Андалусия ^(англ.) ^(русск.)», оркестре «Хазанут». В 2000 году переехала в Бельгию. В 2000–2001 играла в оркестре «I Flaminghi ^(русск.) ^(нид.)», в Симфоническом оркестре Фландрии (2001–2014), после 2014 в оркестре Europa Philharmonie и камерном оркестре «Paradelo»^[3].

Дети: сын Georg Shvartsman (1991—2015), дочь Sacha Vleeshouwers (р. 2004). Муж: Filip Vleeshouwers^[4]. Скончалась после тяжёлой болезни.

Майя



Майя (18.09.2019)

Дата рожд
Место рожд
Дата смерт
Место смер
Гражданств
Род деятельнос